Z 52 225

Ч 52 — 225

Проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВЪ.

ВОПРОСЪ

ОБЪ ИЗБРАНІИ М. Ѳ. РОМАНОВА

ВЪ

РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

41

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1913.

116

1012 2m

Ч52 — 225

Проф. С. Ѳ. ПЛАТОНОВЪ.

ВОПРОСЪ

ОБЪ ИЗБРАНІИ М. Ѳ. РОМАНОВА

ВЪ

РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1913.

Н

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1913 годъ.

Государ. публичная
Историческая
Библиотека РСФСР
№ 20503 1965

21-го февраля 1913 года исполняется триста лѣтъ съ того дня, когда въ Москвѣ, на сборное воскресенье великаго поста, „въ большомъ московскомъ дворцѣ въ присутствіи, внутри и внѣ, всего народа изо всѣхъ городовъ Россіи“, духовенство, боярство и земскіе сословные представители „обрали на всѣ великія и преславныя государства Россійскаго царствія“ Михаила Ѳедоровича Романова-Юрьева, и это избраніе земскаго собора было поддержано всѣмъ множествомъ народа „отъ мала и до велика, до сущихъ младенецъ“ (ἀπὸ παντὸς τοῦ πλήθους καὶ τοῦ λαοῦ—по выраженію современника-грека).

Русская историческая наука достойно встрѣчаетъ этотъ юбилейный день: въ послѣднія десятилѣтія ей удалось бросить яркій лучъ свѣта на счастливое событіе возникновенія новой династіи, а съ нею и возрожденія твердаго порядка въ Московскомъ государствѣ. Изъ области смутныхъ преданій это событіе перешло въ сферу яснаго историческаго вѣдѣнія. Красивая риторика, еще недавно облекавшая собою скудное знаніе и богатые домыслы писателей, уступила теперь мѣсто историческому анализу, раскрывшему реальныя черты событій. Важность событія этимъ была утверждена, а его интересъ чрезвычайно возросъ.

Ко дню 21-го февраля исторіографическая справка не будетъ неумѣстною. Она покажетъ, какъ и въ чемъ измѣнились наши представленія о первыхъ дняхъ Московскаго освобожденія и о томъ трудномъ пути, какой пришлось пройти избирательной мысли раньше, чѣмъ она дошла до слишкомъ еще юной, болѣзненной, лишенной отеческой опеки, въ сущности безпризорной, но тѣмъ не менѣе для всѣхъ желанной „благоцвѣтущей и неувядаемой отрасли царскаго благороднаго корени“—до Михаила Ѳедоровича Романова.

Чтобы дать должное представленіе о томъ, какъ встарину изображалось царское избраніе 1613 года, нѣтъ необходимости въ библіо-

графически-полныхъ обзорахъ и цитатахъ. Скудость историческаго матеріала вела всѣхъ писателей къ однообразію фактическихъ данныхъ и давала просторъ ихъ риторикѣ. Въ распоряженіи историковъ XVIII и даже XIX вѣка былъ только текстъ „утвержденной грамоты“ объ избраніи Михаила Ѳедоровича (напечатанный Н. И. Новиковымъ въ его „Вивліоѳикѣ“ и графомъ Н. П. Румянцевымъ въ его „Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“), далѣе—нѣсколько фразъ Новаго Лѣтописца, хронографовъ и Авраамія Палицына да, въ рѣдкихъ случаяхъ, сухія разрядныя записи. На этомъ можно было основать лишь очень краткій отчетъ о ходѣ самаго избранія, но можно было дать нѣсколько болѣе пространный разсказъ о томъ, какъ соборное посольство нашло Михаила Ѳедоровича въ Ипатьевскомъ монастырѣ и тамъ просило его принять народное избраніе. Наиболѣе тщательно пересказалъ всѣ свои матеріалы извѣстный И. И. Голиковъ въ „Дѣяніяхъ Петра Великаго“. Онъ сравнительно мало украсилъ ихъ риторикою, хотя и думалъ, что это необходимо. Описавъ смиреніе, съ которымъ Михаилъ Ѳедоровичъ „отрицался отъ короны, и еще въ толь младыхъ лѣтахъ, когда страсти берутъ поверхность надъ разумомъ“, Голиковъ восклицалъ: „Какое цвѣтоносное поле къ сплетенію похвальнаго вѣнца сему монарху, сему великодушному дѣду Петра Великаго, предлежитъ вамъ, о знаменитые піиты и ораторы!“ Если устранимъ „сплетенія“ самого Голикова, то въ его разсказѣ найдемъ добросовѣстное пользованіе источниками. Онъ начинаетъ свою повѣсть о царскомъ избраніи съ указанія на разсылку изъ освобожденной Москвы „грамматъ“ во всѣ города, „дабы для избранія государя всѣ знатные, изъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, поспѣшили пріѣздомъ своимъ въ Москву, а отъ прочихъ сословій людей прислали бы депутатовъ“. Быстрота, съ какою собрался земскій соборъ, удивляетъ Голикова: онъ отмѣчаетъ, что „въ *непонятной* скорости всѣ, кромѣ дальныхъ странъ, съѣхались въ Москву“. Извѣстно Голикову (по лѣтописи) „недоумѣніе“ и колебаніе „депутатовъ“ въ ихъ первоначальномъ обмѣнѣ мыслей о томъ, кого бы можно избрать „на сіе верховное достоинство“, кому было бы возможно „толико обуреваемаго отечества вручить кормило“. Разныя имена „кандидатовъ“ называли „депутаты“, но ни на одномъ не смѣли они остановиться. Такая осторожность не сдерживала однако многихъ „честолюбивыхъ бояръ“, добивавшихся для себя царскаго сана происками и подкупомъ. Происходило поэтому „несогласіе и волненіе мыслей“, и долго никому на умъ не приходило назвать „малолѣтняго“ Михаила Ѳедоровича, не

имѣвшаго „никакихъ необходимо нужныхъ къ правленію опытностей“. Для Голикова такъ и осталось необъяснимымъ, какъ именно произошло, что „въ такомъ смятеніи и несогласіи мыслей сверхъ всякаго чаянія услышали въ собраніи произнесенное имя Михаила Ѳедоровича“. Но Голиковъ увѣренъ, что „сей гласъ, произнесшій имя его, есть гласъ Божій“: „вдругъ всѣ волны честолюбія утишились, всѣ разногласія исчезли, всѣ мысли соединились“—и совершилось единодушное избраніе царя въ „собраніи“, то есть на земскомъ соборѣ. Свершивъ избраніе, соборъ послалъ отъ себя на лобное мѣсто „для вопрошенія у всего воинства и у всего народа“, кого *они* „мнятъ достойнымъ къ избранію“. Все множество возопило имя Михаила. „Толико разномыслящія сердца во мгновеніе соединить во едину волю и угасить во всѣхъ пламень честолюбія—возможно только единой всесильной десницѣ Всемогущаго!“ Такъ заключаетъ Голиковъ свое описаніе царскаго „обиранья“.

Главные моменты этого описанія: спѣшный созывъ и съѣздъ собора, разногласіе „депутатовъ“, „подкупы“ и „засылки“ честолюбцевъ-желателей царства, радостное единодушіе всѣхъ при появленіи кандидатуры Михаила Ѳедоровича—все это взято Голиковымъ изъ его источниковъ. Оттуда же заимствована и самая точка зрѣнія на ходъ событій; безсиліе человѣческой мысли и борьба честолюбій представляется поводомъ для вышняго вмѣшательства: „многое было волненіе всякимъ людемъ, койждо хотяше по своей мысли дѣяти“ (слова Новаго Лѣтописца); „и тако бысть по многіе дни собраніе людемъ, дѣла же толикія вещи утвердити не возмогутъ“ (слова кн. Катырева-Ростовскаго); „и сіе всѣмъ извѣстно бысть, яко не отъ человѣкъ, но во-истину отъ Бога избранъ великій сей царь и государь“ (слова Авр. Палицына). Голикову самому принадлежала только литературная оболочка, въ которую онъ облекъ свой матеріалъ, сочетавъ въ своемъ изложеніи данныя офиціальной грамоты съ показаніями частныхъ сказателей.

Рѣшаемся сказать, что описанія Голикова никто не превзошелъ до середины XIX столѣтія, когда появилась (въ „Опытахъ трудовъ студентовъ Главнаго Педагогическаго Института шестого выпуска“. С.-Пб. 1852) статья Николая Алексѣевича Лавровскаго „Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство“. Для описанія самаго избранія царскаго Лавровскій располагалъ тѣмъ же матеріаломъ, какой зналъ и Голиковъ; новъ былъ развѣ только текстъ официальныхъ „разрядовъ“, близкій къ тексту избирательной грамоты 1613 года. Но Лавровскій

зналъ ту литературу о смутномъ времени, которая выросла послѣ Голикова (главнымъ же образомъ „Исторію“ Карамзина), и тѣ акты смутнаго времени, которые были напечатаны гр. Румянцевымъ и Археографическою Коммиссіею. Поэтому Лавровскій лучше понималъ эпоху, чѣмъ Голиковъ, и обладалъ критическимъ пріемомъ, какого не было у Голикова. Для своего времени трудъ Лавровскаго имѣлъ большія достоинства и представлялъ живой интересъ.

Фактическую часть своего труда Лавровскій начиналъ „краткимъ обозрѣніемъ событій смутнаго времени“. Онъ краснорѣчиво излагалъ наставшее съ паденіемъ Шуйскаго „разрѣшеніе всѣхъ узъ государственнаго устройства, господство мятежей и безначалія“. Затѣмъ онъ слѣдилъ за „пробужденіемъ народнаго самочувствія“ въ движеніи Ляпунова и за „торжествомъ народныхъ усилій“ въ ополченіи Минина съ княземъ Пожарскимъ и въ избраніи М. Ѳ. Романова. Послѣднее событіе представляетъ для автора „два дня, равно важныхъ, равно священныхъ и памятныхъ русскимъ“: 21-го февраля и 14-го марта. Посему авторъ и ставитъ себѣ цѣлію: „1) изобразить актъ самаго избранія со всѣми относящимися къ нему подробностями и 2) представить столь же подробное изображеніе дѣйствій достопамятнаго посольства (отъ собора къ царю Михаилу Ѳедоровичу)“. Очерки смутнаго времени въ трудѣ Лавровскаго не представляютъ теперь для насъ никакого интереса; но для самого автора они были нужны, такъ какъ давали необходимую историческую обстановку главному „акту“ его изслѣдованія и выясняли условія наростанія того „народнаго самочувствія“, которое привело соборъ 1613 года къ рѣшенію избрать непремѣнно „своего“, а „не взяти иноземца“, и изъ своихъ выбрать именно М. Ѳ. Романова. Эти двѣ стадіи избирательной кампаніи и намѣчаетъ Лавровскій съ большою чуткостью. Первая стадія привела соборъ къ отрицательному рѣшенію—не выбирать царя изъ иноземцевъ. „Того у насъ и на умѣ нѣтъ (писали отъ имени собора), чтобъ намъ взяти иноземца на Московское государство“; соборъ единодушно условился: „Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ нѣкоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать и Маринки (Мнишекъ) съ сыномъ не хотѣть“. Это отрицательное рѣшеніе естественно вело къ положительному: „совѣтовали общимъ совѣтомъ“ избрать „на Московское государство государя праведна и милосерда изъ Московскихъ родовъ, кого Богъ дастъ“. Такимъ „совѣтомъ“ открылась вторая стадія избирательныхъ совѣщаній. Лавровскій излагаетъ ее по той же схемѣ, какъ и Голи-

ковъ, слѣдуя тѣмъ же источникамъ. Болѣе, чѣмъ Голиковъ, онъ распространяется о вѣроятныхъ кандидатахъ, о которыхъ могли „говорить на соборѣхъ“ и которые сами могли „накупаться на царство“. Очеркъ исторіи рода Романовыхъ въ XIV—XVI вв. даетъ Лавровскому право сказать, что членовъ этого рода отличали „безукоризненность побужденій и добродѣтели“. Хотя, казалось бы автору, „всеобщее и сильное расположеніе“ къ роду и лицу Михаила Ѳедоровича исключало возможность соперничать съ нимъ на соборѣ другимъ кандидатамъ, однако такое соперничество открылось и замедлило ходъ соборныхъ совѣщаній „на многіе дни“. Очень тонко Лавровскій даетъ понять, что отдѣльныя лица не могли равняться съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ ни въ правѣ на тронъ, ни въ народной любви. По изображенію Лавровскаго соборъ обсуждалъ „многое время“ не достоинства *лицъ*, а нѣчто другое: онъ стремился опредѣлить ту *среду*, изъ которой надлежало избрать царя. Сначала вообще говорили „о царевичахъ (татарскихъ), которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великихъ родѣхъ“; потомъ ограничили это опредѣленіе одними „Московскими русскими родами“ и, наконецъ, рѣшили „избрать царя отъ племени... Ѳедора Ивановича всея Русіи“. Когда же остановились на этой мысли, „тогда уже, конечно, не могло быть продолжительныхъ разсужденій“, кто именно долженъ занять престолъ: одна была „благородная отрасль царскаго корене“—Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. Подробному описанію торжества провозглашенія его царемъ и посольства къ нему въ Кострому посвящены дальнѣйшія страницы труда Лавровскаго. Здѣсь онъ слѣдуетъ избирательной грамотѣ и „дворцовымъ разрядамъ“. Изображеніе дней 21-го февраля и 14-го марта 1613 года по существу у Лавровскаго то же, что у Голикова. Въ заключеніе однако Лавровскій ставитъ (съ большою осторожностью) вопросъ, не занимавшій Голикова,—о полнотѣ власти вновь избраннаго государя—и приходитъ къ выводу, что „Михаилъ Ѳедоровичъ былъ государь въ полномъ смыслѣ неограниченный“.

Въ условіяхъ того времени, когда писалась и печаталась статья Лавровскаго (1850—1852 гг.), нельзя было требовать болѣе, чѣмъ далъ читателю молодой ученый. Онъ достигъ возможнаго предѣла какъ въ полнотѣ матеріала, такъ и въ прямотѣ изложенія. Въ трудѣ его уже нѣтъ той зависимости отъ первоисточника, какая характеризуетъ Голикова. Но неполнота этого первоисточника остается непобѣжденною; изслѣдователь еще не видитъ реальныхъ чертъ изучаемаго событія; повторяя традиціонныя данныя, онъ дополняетъ

ихъ простымъ домысломъ и лишь постольку, поскольку это допускаютъ литературныя условія его суроваго времени.

Свободная критика традиціи въ вопросѣ о царскомъ избраніи 1613 года началась значительно позднѣе. Ея не найдемъ въ общихъ трудахъ по русской исторіи ни С. М. Соловьева (1858), ни Бестужева-Рюмина (1887). Первый изъ нихъ лишь очень кратко повѣствуетъ (въ концѣ VIII тома „Исторіи Россіи“) объ обстоятельствахъ избранія, причемъ совсѣмъ произвольно, безъ видимой критики, выбираетъ тѣ показанія источниковъ, которыя считаетъ наиболѣе характерными. Второй же (въ своемъ извѣстномъ „Обзорѣ событій“, напечатанномъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1887 годъ) вовсе уклоняется отъ изложенія хода избранія, давая лишь въ примѣчаніяхъ нѣкоторыя цитаты и литературныя ссылки. Менѣе, чѣмъ можно было бы желать, находимъ мы критическаго настроенія и въ позднѣйшихъ монографіяхъ, касавшихся московскихъ событій 1613 года. Такъ, во второмъ томѣ (1882) любопытнаго труда „Родъ Шереметевыхъ“ А. П. Барсуковъ далъ пространный разсказъ о царскомъ избраніи 21 февраля 1613 года. Многое въ этомъ разсказѣ изложено по „утвержденной грамотѣ“ и по сказаніямъ; но рядомъ съ ними въ качествѣ руководящаго источника впервые появляется пресловутый трактатъ Страленберга „Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia“ (1730) съ его повѣствованіемъ объ избраніи на царство М. Ѳ. Романова. Весьма извѣстно, что сообщенія этого автора будятъ много недоумѣній и сомнѣній. Плѣнный шведъ Страленбергъ былъ ознакомленъ не съ русскими документами XVII вѣка, а съ русскими преданіями XVIII столѣтія; по разсказамъ Страленберга можно поэтому судить не о томъ, что дѣйствительно было на Руси въ началѣ XVII вѣка, а только о томъ, какъ современные Страленбергу русскіе люди представляли себѣ то, что происходило за сто лѣтъ до нихъ. Любопытный разсказъ шведскаго автора остался у А. П. Барсукова безъ должной оцѣнки. И нельзя винить за это уважаемаго изслѣдователя: ему принадлежала заслуга перваго использованія новаго источника; что мудренаго въ томъ, что впечатлѣнія новизны расположили его къ довѣрчивости? Даже такой богатый научнымъ скепсисомъ изслѣдователь, какъ В. О. Ключевскій, увлекся въ свое время Страленбергомъ. Послѣ того, какъ ему, на докторскомъ его диспутѣ, была указана П. А. Поповымъ книга Страленберга, онъ ввелъ ея данныя во второе изданіе „Боярской думы“ (1883). Стоитъ сравнить

первое изданіе этого извѣстнаго труда (стр. 377, 380, 390) со вторымъ (стр. 361, 365, 375), чтобы увидѣть, какъ много вниманія отдалъ В. О. Ключевскій преданіямъ, записаннымъ у Страленберга, хотя тутъ же и назвалъ ихъ „позднимъ и мутнымъ источникомъ“.

Появленіе въ научномъ оборотѣ показаній Страленберга не только обогатило тотъ запасъ извѣстій, какой обычно привлекался къ изученію исторіи царскаго избранія 1613 года, но и поставило заново вопросъ о томъ, съ условіями, или же безъ нихъ, получилъ Михаилъ Ѳедоровичъ московскій престолъ. Въ новомъ объемѣ свѣдѣній, хотя и съ разнымъ настроеніемъ, разсматривали избраніе М. Ѳ. Романова Э. Бауэръ (въ статьѣ „Die Wahl M. F. Romanows“ въ журналѣ „Historische Zeitschrift“ 1886 г.) и г. Иловайскій въ его „Смутномъ времени Московскаго государства“ (1894). Но шагъ впередъ въ научномъ пониманіи дѣла былъ сдѣланъ не ими, а проф. Алексѣемъ Ивановичемъ Маркевичемъ въ статьѣ „Избраніе на царство М. Ѳ. Романова“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1891 годъ). Покойный историкъ высказалъ мысль, что въ русской исторіи царское избраніе 1613 года принадлежитъ къ числу „эпизодовъ, облеченныхъ извѣстною долею таинственности“. Неясны, во-первыхъ, причины, почему выборъ земскаго собора палъ на лицо, не обладавшее ни опытомъ, ни характеромъ, на лицо, отъ котораго нельзя было ждать почина и руководства и которое само еще нуждалось въ опекѣ. Во-вторыхъ, неясны условія, на какихъ досталась власть избранному всею землею царю. Освѣтить эти двѣ неясности и старается А. И. Маркевичъ. Онъ даетъ предварительно перечень источниковъ, служащихъ для исторіи царскаго избранія, и, указавъ на недостатки Страленберга, какъ мало компетентнаго свидѣтеля, предлагаетъ читателю посильно точный переводъ всѣхъ относящихся къ дѣлу сообщеній Страленберга. Затѣмъ онъ переходитъ къ анализу фактическихъ подробностей избирательнаго періода. Маркевичъ увѣренъ въ серьезности иноземной кандидатуры на московскій престолъ шведскаго королевича Филиппа и въ существованіи кандидатуры австрійскаго эрцгерцога. Поэтому онъ придаетъ дѣйствительное значеніе рѣшенію собора отказаться отъ иностранныхъ кандидатовъ. Послѣдовавшая затѣмъ борьба мнѣній относительно правъ и шансовъ на престолъ московскихъ „великихъ родовъ“ разсматривается Маркевичемъ очень подробно; но возникновеніе кандидатуры Михаила Ѳедоровича въ его изложеніи рисуется еще неясно, и роль казаковъ въ дѣлѣ царскаго избранія остается

безъ детальной оцѣнки, хотя Маркевичу и достаточно извѣстны данныя, говорящія объ этой роли. Не придавая почину казаковъ должнаго значенія, авторъ приходитъ къ заключенію, что „выборъ юнаго государя былъ результатомъ извѣстной работы тѣхъ лицъ, которыя овладѣли національнымъ движеніемъ 1612 года и желали довести свое дѣло до конца: имъ важно было имѣть такого государя, за котораго они могли бы управлять“. Обращаясь къ вопросу о томъ, кто же были эти лица, Маркевичъ замѣчаетъ: „конечно, намъ ихъ точно не узнать“; однако онъ опредѣленно ищетъ ихъ въ боярствѣ. Поэтому, обратившись къ извѣстіямъ объ ограниченіяхъ царя Михаила, онъ и ихъ источникъ видитъ также въ боярской средѣ. Не придавая формально-обязательнаго характера тѣмъ обѣщаніямъ, которыхъ якобы просили у новаго государя при его избраніи, Маркевичъ увѣренно предполагаетъ, будто „бояре, составляя условія“, понимали, что „исполненіе обѣщаннаго было вполнѣ дѣломъ доброй воли царя“.

Если даже и не согласиться съ главнѣйшими выводами Маркевича, все же надо признать за его статьею большое историографическое значеніе. Въ ней впервые систематически и толково пересмотрѣны не только всѣ матеріалы касательно самаго избранія 1613 года, но и всѣ свѣдѣнія объ „условіяхъ“ избранія. Въ надлежащій порядокъ приведены и критически оцѣнены какъ официальныя, такъ и частныя извѣстія о ходѣ избранія; правильно опредѣлены его важнѣйшіе моменты; выясненъ, собранъ и освѣщенъ матеріалъ, по которому можно судить о характерѣ (или же о самомъ существованіи) ограниченій. Дальнѣйшее движеніе въ изученіи вопроса должно было идти не къ обличенію погрѣшностей Маркевича, а къ дополненію его матеріала новыми данными и, въ зависимости отъ этого, къ исправленію его выводовъ.

Къ числу серьезныхъ научныхъ пріобрѣтеній послѣдняго времени прежде всего надлежитъ отнести прекрасное изданіе „утвержденной грамоты объ избраніи на Московское государство М. Ѳ. Романова“, выпущенное Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1904 году, въ видѣ фототипій съ присоединеніемъ печатнаго текста грамоты. (Это изданіе печатнаго текста было повторено въ 1906 году). Новый текстъ съ точнымъ воспроизведеніемъ (въ двухъ спискахъ) именъ участниковъ избирательнаго собора даетъ прочное основаніе для детальнаго изученія состава избирателей. Во-вторыхъ, въ сборникѣ проф. Ал. Гиршберга „Polska a

Moskwa“ (1901) былъ напечатанъ любопытный памятникъ—грамота кн. Д. Мезецкаго и дьяка Ив. Грамотина отъ 24-го ноября 1612 года королю Сигизмунду и его сыну „царю и великому князю“ Владиславу. Эта грамота сохранилась въ текстѣ русскаго статейнаго списка, названнаго въ изданіи „дневникомъ московскаго посольства“, и содержитъ въ себѣ цѣннѣйшія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Москвѣ предъ царскимъ избраніемъ. Наконецъ, столь же любопытныя свѣдѣнія о Московской жизни конца 1612 и начала 1613 года оказались въ шведскомъ современномъ матеріалѣ, опубликованномъ г. Альмквистомъ въ „Le Monde Oriental“ 1907 г. („Nouveaux documents sur l'histoire de la Russie en 1612—1613“), а затѣмъ и въ „Сборникѣ Новгородскаго Общества Любителей Древности“, выпуски V (1911) и VI (1912 г.). На основаніи грамоты кн. Мезецкаго и шведскихъ документовъ оказались возможны новыя наблюденія надъ взаимными отношеніями московскихъ сословныхъ группъ въ зиму 1612—1613 гг., въ тотъ важный моментъ, когда этимъ группамъ предстояло объединиться въ освобожденной Москвѣ на общемъ дѣлѣ царскаго избранія. Эти наблюденія ведутъ къ ясному пониманію того, какъ возникла на земскомъ соборѣ кандидатура Михаила Ѳедоровича, кѣмъ она была поддержана и какой политическій смыслъ имѣла.

Важность грамоты князя Мезецкаго и дьяка Ивана Грамотина впервые русскимъ читателямъ была указана на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ отзывѣ К. В. Хилинскаго объ изданіи А. Гиршберга (1903 г. № 8). Тамъ же было приведено цѣликомъ и то мѣсто грамоты, которое содержитъ показаніе взятаго поляками въ плѣнъ подъ Москвою сына боярскаго Ив. Философова о положеніи дѣлъ въ самой Москвѣ въ концѣ ноября 1612 года. Это замѣчательное мѣсто передаемъ здѣсь точными словами кн. Мезецкаго и Грамотина: „А въ роспросѣ, господари, намъ и полковникомъ сынъ боярской (именно Иванъ Философовъ) сказалъ, что на Москвѣ у бояръ, которые вамъ, великимъ господарямъ, служили, и у лучшихъ людей хотѣніе есть, чтобъ просити на господарство васъ, великаго господаря королевича Владислава Жигимонтовита, а имянно-де о томъ говорити не смѣютъ, боясь казаковъ, а говорятъ, чтобы обрать на господарство чужеземца; а казаки-де, господари, говорятъ, чтобъ обрать кого изъ русскихъ бояръ, а примѣриваютъ Филаретова сына и Воровского Колужского. И во всемъ-деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ; а дворяне-де и дѣти боярскіе разъѣхалися по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей

боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полпяты тысячи человѣкъ (то-есть 4.500), да стрѣльцовъ съ тысячу человѣкъ, да мужики черны. А бояръ-деи, господари, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи, которые на Москвѣ сидѣли, въ думу не пускаютъ, а писали объ нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ? А дѣлаетъ всякія дѣла князь Дмитрей Трубецкой да князь Дмитрей Пожарской да Куземка Мининъ. А кому впередъ быти на господарствѣ, того еще не постановили на мѣрѣ".

Руководясь показаніями Пв. Философова и сопоставляя ихъ съ другими данными о поведеніи казаковъ послѣ освобожденія Москвы, мы можемъ ясно понять, что въ концѣ 1612 года казаки почувствовали свое численное превосходство и возвращались къ мысли о политическомъ преобладаніи въ странѣ, утраченномъ казаками послѣ побѣдъ надъ ними кн. Д. М. Пожарскаго. Они не только вышли изъ повиновенія у земскихъ властей, но и мечтали по своему провести дѣло царскаго избранія. Авр. Палицынъ въ той главѣ своего „Сказанія", которая посвящена избранію Михаила Ѳедоровича, съ ужасомъ говоритъ о казакахъ: „Казацкаго же чина воинство многочисленно *тогда* бысть и въ прелесть велику *горьше прежняго* впадоша, вдавшеся блуду, питію и зерни и пропивше и проигравше вся свои имѣнія, насилующе многимъ въ воинствѣ, паче же православному христіанству, и исходяще изъ царствующаго града во вся грады и села и деревни и на путехъ грабяще и мучаще немилостивно, сугубѣйши перваго десятерицею. И кто можетъ изглаголати тоя бѣды, *тогда* сотворшіяся отъ нихъ? Ни единъ бо отъ невѣрныхъ сотвори толика зла, еже они творяху православнымъ христіяномъ, различно мучаще! И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе *злѣйши перваго*!.." Вся сила этой характеристики Палицына сказывается при ея сопоставленіи со сдержанными и офиціально-безцвѣтными словами показанія Философова: „и во всемъ деи казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ что хотятъ". Можно понять, какъ опасна была эта разнузданная масса для временнаго боярскаго правительства, распустившаго свое войско и потому слабаго внѣшними силами. Естественно было спѣшить съ созывомъ „собора всея земли", чтобы въ немъ получить нравственную опору противъ казачества съ его притязаніями поставить кого либо на царство однимъ своимъ умысломъ. Изданные Ст. Б. Веселовскимъ „Новые акты Смутнаго времени" удостовѣряютъ, что грамотами 15—19 ноября 1612 года отъ московскихъ властей земскіе выборные люди въ Москву требовались „наспѣхъ" на Николинъ день,

то-есть къ 6 декабря 1612 года. Когда же въ Москвѣ убѣдились, что въ 3—4 недѣли не собрать собора, то повторяли свои приглашенія, уже не указывая точно срока, но все-таки требуя присылки выборных̈ъ „тотчасъ наскоро“. Такова была тревожная обстановка избирательнаго собора 1613 года.

Соображая сложныя обстоятельства той политической минуты, мы имѣли случай, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, обсудить условія успѣха на соборѣ кандидатуры Михаила Ѳедоровича. Въ статьѣ нашей „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“ (въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за декабрь 1906 года) мы писали:

„Собравшись въ Москву въ исходѣ 1612 или въ самомъ началѣ 1613 года, земскіе выборные хорошо представили собою „всю землю“. Окрѣпшая въ эпоху смуты практика выборнаго представительства позволила избирательному собору на самомъ дѣлѣ представить собою не одну Москву, а Московское государство въ нашемъ смыслѣ этого термина. Въ Москвѣ оказались представители не менѣе 50-ти городовъ и уѣздовъ: представлены были и служилый и тяглый классъ населенія; были и представители казаковъ. Въ своей массѣ соборъ оказался органомъ тѣхъ слоевъ московскаго населенія, которые участвовали въ очищеніи Москвы и возстановленіи земскаго порядка; онъ не могъ служить ни сторонникамъ Сигизмунда, ни казачьей политикѣ. Но онъ могъ и неизбѣжно долженъ былъ стать предметомъ воздѣйствія со стороны тѣхъ, кто еще надѣялся на возстановленіе королевской власти или же казачьяго режима. И вотъ, отнимая надежду какъ на то, такъ и на другое, соборъ прежде всякаго иного рѣшенія торжественно укрѣпился въ мысли: „а Литовскаго и Свійскаго короля и ихъ дѣтей, за ихъ многія неправды, и иныхъ никоторыхъ земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки съ сыномъ не хотѣть“. Въ этомъ рѣшеніи заключалось окончательное пораженіе тѣхъ, кто думалъ еще бороться съ результатами Московскаго очищенія и съ торжествомъ среднихъ консервативно-настроенныхъ слоевъ московскаго населенія. Исчезало навсегда „хотѣніе“ бояръ и „лучшихъ людей“, которые „служили“ королю, по выраженію Философова, и желали бы снова „просити на государство“ Владислава. Невозможно было долѣе „примѣривать“ на царство и „Воровскаго Калужскаго“, а стало быть мечтать о соединеніи съ Заруцкимъ, который держалъ у себя „Маринку“ и ея „Воровскаго Калужскаго“ сына“.

„Побѣда надъ боярами, желавшими Владислава, досталась собору,

думается, очень легко: вся партія короля въ Москвѣ была разгромлена временнымъ правительствомъ тотчасъ по взятіи столицы, и даже знатнѣйшіе бояре, «которые на Москвѣ сидѣли», вынуждены были уѣхать изъ Москвы и не были на соборѣ вплоть до той поры, когда новый царь былъ уже избранъ: ихъ вернули въ Москву только между 7 и 21 февраля. Если до собора сторонники приглашенія Владислава «имянно о томъ говорити не смѣли, боясь казаковъ», то на соборѣ имъ надобно было беречься еще болѣе, боясь не однихъ казаковъ, но и «всей земли», которая одинаково съ казаками не жаловала короля и королевича. Другое дѣло было земщинѣ одолѣть казаковъ: они были сильны своимъ многолюдствомъ и дерзки сознаніемъ своей силы. Чѣмъ рѣшительнѣе земщина становилась противъ Маринки и противъ ея сына, тѣмъ внимательнѣе должна была она отнестись къ другому кандидату, выдвинутому казаками,—къ «Филаретову сыну». Онъ былъ не чета «воренку». Нѣтъ сомнѣнія, что казаки выдвигали его по тушинскимъ воспоминаніямъ, потому что имя его отца Филарета было связано съ Тушинскимъ таборомъ. Но имя Романовыхъ было связано и съ инымъ рядомъ московскихъ воспоминаній. Романовы были популярнымъ боярскимъ родомъ, извѣстность котораго шла съ первыхъ временъ царствованія Грознаго. Незадолго до избирательнаго собора 1613 года, именно въ 1610 году, совсѣмъ независимо отъ казаковъ, М. Ѳ. Романова въ Москвѣ считали возможнымъ кандидатомъ на царство, однимъ изъ соперниковъ Владислава. Когда соборъ настоялъ на уничтоженіи кандидатуры иноземцевъ и Маринкина сына и «говорили на соборѣхъ о царевичахъ, которые служатъ въ Московскомъ государствѣ, и о великѣхъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ на Московскомъ государствѣ быти государемъ»,—то изъ всѣхъ великихъ родовъ естественно возобладалъ родъ, указанный мнѣніемъ казачества. На Романовыхъ могли сойтись и казаки и земщина—и сошлись: предлагаемый казачествомъ кандидатъ удобно былъ принятъ земщиною. Кандидатура М. Ѳ. Романова имѣла тотъ смыслъ, что мирила въ самомъ щекотливомъ пунктѣ двѣ еще не вполнѣ примиренныя общественныя силы и давала имъ возможность дальнѣйшей солидарной работы. Радость обѣихъ сторонъ по случаю достигнутаго соглашенія, вѣроятно, была искренняя и велика, и Михаилъ былъ избранъ дѣйствительно «единомышленнымъ и нерозвратнымъ совѣтомъ» его будущихъ подданныхъ".

Высказанное нами мнѣніе объ исключительномъ значеніи, для взаимно непримиренныхъ общественныхъ группъ, кандидатуры М. Ѳ.

Романова вполнѣ раздѣляетъ послѣдующій повѣствователь о началѣ русской династіи А. Е. Прѣсняковъ. Въ его статьѣ, вошедшей въ сборникъ „Три вѣка. Россія отъ Смуты до нашего времени“ (подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912) читаемъ слѣдующее: „Соборъ сошелся съ казаками въ твердомъ намѣреніи избрать царя изъ русскихъ бояръ и, повидимому, казаки первые подняли рѣчь о «Филаретовомъ сынѣ», Мих. Ѳед. Романовѣ. Едва ли они допустили бы избраніе другого лица. Враждебные боярству, они, однако, были подъ вліяніемъ тушинскихъ связей митр. Филарета и всего Романовскаго круга. И въ земщинѣ эта кандидатура должна была встрѣтить сочувственный откликъ. Свойство съ угасшей царской семьей, популярность дѣда и отца, незапятнанность молодого имени—говорили въ пользу Михаила. Къ его имени, какъ возможнаго избранника, уже привыкли, такъ какъ о немъ шли толки по низложеніи Шуйскаго, и за него былъ авторитетъ погибшаго за вѣру Гермогена. Кандидатура была пріемлема и въ то же время устраняла опасность новаго разлада. И соборъ 7-го февраля 1613 года «яко едиными усты» нарекъ Михаила царемъ. Чтобы дѣйствительно разрѣшить долгій правительственный кризисъ, это избраніе не должно было быть партійнымъ. На немъ сошлись земщина и казаки. Затѣмъ призвали въ Москву высланныхъ бояръ, кн. Мстиславскаго съ товарищами, «для общаго земскаго совѣту» и участія въ провозглашеніи Михаила, а «во всѣ городы Россійскаго царствія» отправили вѣрныхъ людей провѣдывать «во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье». И только убѣдившись, что избраніе будетъ «единомышленнымъ и нерозвратнымъ», торжественно провозгласили новаго царя—21-го февраля“.

Стало быть—вопреки взглядамъ А. И. Маркевича—надо представлять себѣ дѣло царскаго избранія въ 1613 году такъ, что выборъ царя Михаила не былъ результатомъ „работы“ бояръ, которые хотѣли имѣть такого государя, за котораго они могли бы управлять. Напротивъ, кандидатура лица изъ Романовскаго рода возникла въ демократическихъ низахъ общества и была поддержана средними его слоями, потому что ходомъ московской исторіи Романовскій родъ снискалъ себѣ извѣстность и популярность въ самыхъ различныхъ общественныхъ кругахъ. Боярство—родовитое потомство княжатъ, „князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищи“,—даже не присутствовало въ Москвѣ на соборѣ въ то время, когда тамъ обозначилась и восторжествовала кандидатура Михаила: бояре были призваны въ Москву на соборъ изъ ихъ вотчинъ только къ 21 февраля для участія въ

окончательной санкціи безъ нихъ рѣшеннаго избранія. Они продолжали оставаться не у дѣлъ повидимому до Пасхи 1613 г., когда совершилась, по государевой милости, ихъ амнистія.

Въ такихъ условіяхъ нельзя и представить себѣ возможности *боярскихъ* ограниченій царя Михаила Ѳедоровича. Разбитая въ Смутѣ и не поддержанная новою династіею, древняя московская знать мало значила въ Романовской Москвѣ и смиренно переносила опалы новаго „великаго государя“. Романовская администрація вся была создана новой династіей и, держась за нее, не могла находить интереса въ ея ограниченіи, ибо это было бы ея собственнымъ ограниченіемъ. Кто изъ ученыхъ не находитъ возможнымъ (какъ лично мы находимъ) отрицать существованіе какихъ бы то ни было „ограниченій“ или „условій“ въ 1613 году, тотъ долженъ поставить вопросъ о нихъ заново и искать ихъ источника не въ боярствѣ или бюрократіи, а въ какой либо иной средѣ. Мы же думаемъ, что легче объяснить происхожденіе преданій объ условіяхъ, чѣмъ доказать ихъ дѣйствительное существованіе.